

А. Г. Мец

Читал ли Сталин «пасквиль» Мандельштама?

Наша заметка — не рецензия на книгу Г.А. Морева «Поэт и Царь»¹, а отклик на первую главу его книги. В ней рассматривается непродолжительный, но насыщенный период биографии поэта — с 17 мая, даты первого допроса в ОГПУ, до 10 июня 1934 г., когда решением ОСО при Коллегии ОГПУ ему была изменена мера наказания. Исходный импульс для пересмотра ранее существовавшего взгляда на этот период — впервые опубликованный в 2017 г. архивный документ, хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ Спецсообщение ОГПУ об аресте и высылке Мандельштама, адресованное Сталину².

Однако Спецсообщение только недостающее звено, позволившее автору сформировать свою версию, свой взгляд на цепочку событий от ареста Мандельштама до его появления в Воронеже (отчасти и на последующий период). Центральным же в этой версии, на наш взгляд, является обоснование того обстоятельства, что ОГПУ — **не послало** Сталину мандельштамовскую инвективу (стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» — «пасквиль», по формулировке следствия), и Сталин ни тогда, ни позднее ее так и не узнал (см. с. 15, примеч. 6; с. 41, 44, 63). Эта версия, впервые оглашенная автором в публикации Colta.ru 13 декабря 2019 г.³, была неожиданной, стала в своем роде сенсацией и повлекла за собой полемику⁴. Существенной частью доказательства в работе Морева явился детальный, основательно фундированный анализ обстоятельств (действия верхушки ОГПУ в лице Я. Агранова и Г. Ягоды по пресечению антисоветских проявлений со стороны литераторов и др. и отношение Сталина к данным проявлениям), определявших политический климат в процессе подготовки к Первому съезду советских писателей. Поскольку автор по умолчанию предполагает, что реакция Сталина на оскорбительную инвективу должна была быть сугубо адекватной, острой, то доказательство незнакомства Сталина с ней автор логично видит, во-первых, в сдержанной, лишенной личных эмоций резолюции на письме Бухарина с сообщением

- 1 Морев Г.А. «Пасквиль на вождей»: Сталин и дело Мандельштама 1934 года // Морев Г.А. Поэт и Царь. Из истории русской культурной мифологии: Мандельштам, Пастернак, Бродский. М.: Новое издательство, 2020. С. 13–68. Вторая глава книги посвящена истории высылки И. Бродского из СССР.
- 2 «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934). Сб. док. В 10 т. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2017. Ч. 1. С. 591. Фототипия приводится в кн. Морева на с. 56.
- 3 Морев Г. Еще раз о Сталине и Мандельштаме: Вокруг Спецсообщения зампреда ОГПУ Я.С. Агранова // <https://www.colta.ru/articles/literature/22722-gleb-morevesche-raz-o-staline-i-mandelshstame>.
- 4 В частности, на дискуссии в Сахаровском центре 20 февраля 2020 г. при участии Г.А. Морева, П.Н. Нерлера и Н.В. Петрова (<https://www.youtube.com/watch?v=BgJbyFtiGwo> (дата обращения: 12.06.2020)).

об аресте Мандельштама (датируется автором статьи 6—7 июня, см. с. 15); во-вторых, в содержании состоявшегося через два-три дня после этого письма телефонного разговора Сталина с Пастернаком (7—9 июня, см. с. 24)⁵. Эти данные Морев подкрепляет детальнейшим анализом текста Спецсообщения (с. 46—59).

Первоначальная версия пододелки событий была ранее (в 2010 г.) выдвинута П.Н. Нерлером⁶. Он предполагает, не предъявляя аргументов, что информация об аресте Мандельштама и «пасквиль» были сообщены Сталину Ягодой 25 или 26 мая 1934 г. В итоге, продолжает Нерлер, «Сталин мгновенно оценил ситуацию, а главное — “оценил” стихи и, действительно, решил все совершенно иначе — в сущности, он помиловал дерзца-пиита за творческую удачу и за искренне понравившиеся ему стихи»⁷. Реакция Сталина, по Нерлеру, предопределила дальнейший ход уголовного процесса. Но даже обращаясь к письму Бухарина к Сталину, Нерлер проходит мимо имплицитно содержащегося в резолюции последнего на письме противоречия с фактом предполагавшегося им выше знакомства Сталина с делом Мандельштама, уже состоявшегося⁸. Понятно, почему: в действительности резолюция Сталина дезавуирует построение Нерлера.

Вернемся к книге Морева. Исследуя процесс следственного делопроизводства, он привлекает данные о степени «инфильтрации» в литературные круги секретных агентов ОГПУ, и прежде всего обобщающую работу А.Г. Теплякова (см. с. 13—14, примеч. 2). Далее автор пишет: «Именно поэтическая выразительность и ошеломляющий радикализм направленной персонально против Сталина инвективы парадоксальным образом явились, на наш взгляд, причиной первого сбоя в отлаженной процедуре репрессивного механизма — получив от сексота текст Мандельштама, Агранов не решился доложить о нем Сталину и арестовал поэта, не ставя вождя в известность». Следователь Шиваров (в разговоре с женой поэта) «посвоему справедливо отзывался [об этом стихотворении] как о “чудовищном, беспрецедентном ‘документе’”, подобного которому “ему не приходилось видеть никогда”»⁹ (с. 46). В дальнейшем автор книги констатирует, что при формулировании обвинения и при составлении Спецсообщения следствие предприняло «полное затушевывание сути его [Мандельштама] дела, тщательное нивелирование его “бес-

5 Анализ разговора Пастернака со Сталиным в свете последующих событий Морев посвятил главу «Неудавшийся диалог». Автор считает наиболее близкой к реальной версии разговора, сообщенную женой Пастернака Зинаидой Николаевной (с. 28—29).

6 *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 38.

7 Там же. С. 38—39. Морев замечает (с. 15, примеч. 6): «Гипотеза П.М. Нерлера о том, что 25—26 мая председатель ОГПУ Ягода по телефону информировал Сталина об аресте Мандельштама и даже прочитал ему криминальное стихотворение, выглядит совершенно неосновательной и, более того, опровергается самим же автором, который, противореча себе, подтверждает далее, что в момент получения письма Бухарина Сталин не знал об аресте Мандельштама». Далее П. Нерлер в цитированной работе превознес художественную интуицию Сталина, позволившую ему оценить гениальность автора «пасквиля». Не думаю, чтобы это входило в расчеты Нерлера, но его версия совпала с трендом на реабилитацию Сталина как государственного деятеля и уже обрела вторую жизнь в историко-политическом контексте, см. видео собеседования А. Фурсова с Н. Сапелкиным на тему «Сталин и Мандельштам» (https://www.youtube.com/watch?v=SqX3_Q4xQJw&feature=youtu.be; опубли. 2019) и на ту же тему пост читателя под ником *m_skazitel'nitsa*: <https://m-skazitel'nitsa.livejournal.com/61407.html>. См. также гл. «Миф о Сталине-читателе» (с. 62).

8 *Нерлер П.* Указ. соч. С. 39—40.

9 *Мандельштам Н.Я.* Собрание сочинений: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 160.

прецедентности”, так поразившей следователя Шиварова и, судя по доступным нам свидетельствам, поражавшей всех, кто был ознакомлен с текстом стихотворения о Сталине» (с. 54).

Обоснованная в работе Г. Морева версия о том, что ОГПУ не ознакомило Сталина с криминальным стихотворением Мандельштама, представляется, на наш взгляд, весьма убедительной. Пока еще никем не было получено документальных данных или косвенных сведений, указывающих на *обязанность* ОГПУ предоставлять сведения в ЦК в определенные сроки, по определенным группам дел или по определенным прослойкам населения (вероятно, за исключением тех дел об арестах, которые возбуждались против членов ВКП(б): их уже в то время, вероятно, следовало согласовывать с партийными органами соответствующего уровня). Было бы реальнее предполагать, что право на определенную инициативу в конкретных случаях ОГПУ не только имело, но и было обязано проявлять. В то же время автор осознает, что информация об особенностях отношений Сталина и ОГПУ из-за все еще ограниченных данных, полученных при обследовании соответствующих архивов, остается неполной (с. 62). В этом плане хотелось бы высказать дополнительные соображения об интерпретации деталей в мандельштамовском следственном деле в работе Морева. Попробуем представить, когда и какие становились перед следствием вопросы в связи с делом Мандельштама. Действительно ли «список-реестр» беспартийных литераторов 1932 г., поданный Сталину Кагановичем и опубликованный Л. Максименковым (см. с. 15, примеч. 4; с. 16, примеч. 8), был дан также и в ОГПУ для руководства, в роли «охранной грамоты» и для согласований с ЦК в вопросах, связанных с необходимостью ареста кого-либо из включенных в список. Об этом нет никаких данных, и представляется, что вообще отношения ЦК с ОГПУ не были настолько формализованы, чтобы для руководства ОГПУ с этой целью составлялись персональные списки лиц или должностей. На фоне, как представляется, неурегулированности этих моментов понятно, что запрашивать Сталина до начала следствия о необходимости ареста Мандельштама, тем более при недоказанности его авторства, не было оснований. Вскоре после получения показаний поэта вопрос об извещении Сталина возник, однако в увязке с ним стоял и вопрос о приложении к нему инвективы Мандельштама. Вопрос этот следствием был решен, как показывает Морев, отрицательно.

Но даже если допускать, как предлагает П. Нерлер, что 25—26 мая Ягода сообщил Сталину об аресте Мандельштама и получил согласие на предложенные репрессивные меры, то из этого вовсе не следует, что в сообщении был включен и текст «пасквиля». К тому же Ягода, читающий Сталину «пасквиль» по телефону, — это абсурд. Намного вероятнее, при учете аргументации Морева, что Ягода «пасквиль» сообщать не стал, а изложил его в точно таком ключе, как это было сделано позднее в теперь известном тексте Спецсообщения.

Применительно к Спецсообщению следует упомянуть о еще одном обстоятельстве: на дискуссии, прошедшей в Сахаровском центре¹⁰, П. Нерлер продемонстрировал фотокопии подлинника этого документа, сделанные им в архиве ФСБ. Текст архивного источника и текст публикации совпадают не полностью, первый не имеет собственноручной подписи Агранова и проставленного числа месяца, что влечет за собой признание публикации не вполне корректной. Кроме того, как установлено нами, в источнике использована не вполне исправная пишущая машинка (пропечатывается строчная «м» вместо прописной), что уже само по себе должно было стать препятствием для отправки экземпляра из этой закладки Сталину, и не используются, в сравнении с публикацией, привычные сокращения (а/с —

10 См. примеч. 4 нашей статьи.

антисоветский, к.-р. — контрреволюционный). За вычетом отмеченного выше тексты источника и публикации полностью совпадают. С другой стороны, редакция текста источника при подготовке публикации вызывает удивление сугубо канцелярским характером (внедрение сокращений, перенос даты в начало текста) и не вносит (за исключением числа месяца) смысловых оттенков в документ. Эти обстоятельства делают вероятным предположение, что в архиве ФСБ в том же фонде имеется экземпляр данного Спецсообщения из другой закладки (что для делопроизводственной практики не является исключением), который и мог быть положен в основу публикации.

П. Нерлер во время упомянутой дискуссии настаивал на том, что Спецсообщение на самом деле Сталину отправлено не было, и Г. Морев в своей книге оставляет вопрос открытым. При наличии в архиве ФСБ черновика предположение Нерлера о том, что Спецсообщение Сталину не было отправлено, нам представляется слишком смелым. Позиция Г. Морева в этом отношении, полагаем, была более взвешенной в публикации Colta.ru¹¹. Ключевой в разрешении этого противоречия могла бы стать находка Спецсообщения в архиве Сталина, то есть в РГАСПИ или в РГАНИ, возможно, с резолюцией Сталина. Однако было ли Спецсообщение послано Сталину или, как утверждает Нерлер, не было, текст его, интерпретируемый Моревым, имеет статус документа, составленного ОГПУ, и привлечение его к аргументации в книге Морева вполне оправданно.

В дополнение к сказанному автором мы хотели бы привлечь внимание к причине шокирующе откровенных, на грани невменяемости (как по оценке следователя, так и для восприятия современного читателя) показаний Мандельштама на следствии, в которых он характеризует свой поступок как «гнусный, контрреволюционный, клеветнический пасквиль, — в котором сконцентрированы огромной силы социальный яд, политическая ненависть и даже презрение к изображаемому, при одновременном признании его огромной силы — обладает качествами агитационного плаката большой действенной силы» (с. 42). Такая позиция, несомненно, была обусловлена для поэта, как нам представляется, сложившейся к этому времени жизненной ситуацией и мыслью о том, что единственным выходом из нее должен стать добровольный уход из жизни, самоубийство. Об этом, в частности, свидетельствует строка из его последнего перед арестом стихотворения («Надо смерть предупредить, уснуть» («Мастерица виноватых взоров...»)), а чуть раньше, в феврале 1934 г., — слова Мандельштама Ахматовой: «Я к смерти готов»¹². Написанный им «пасквиль», казалось ему, должен сослужить хорошую службу в том случае, если его приговорят к расстрелу. Это, по-видимому, казалось поэту лучшим и достойнейшим способом кончить жизнь. Таким образом, формулировки в оценке своего деяния на допросе и были обусловлены его стремлением добиться расстрельного приговора. Допускаем, что будущие биографы могут характеризовать весь эпизод с инвективой как «неудавшееся самоубийство».

Из написанного Г. Моревым не вызывает согласия только его оценка воронежской ссылки как времени «полного пересмотра отношения Мандельштама к советской действительности и лично к Сталину» (с. 64). Автор исходит в ней из положений книги М.Л. Гаспарова «О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года»,

11 См. примеч. 3 нашей статьи. В главе «Проблемы датировки и “постскриптум” 1935 года» автор лучше объясняет ситуацию с архивным документом. Отметим, что правильнее было бы, на наш взгляд, назвать его не «копией», а «черновиком».

12 Ахматова А.А. Листки из дневника / Подгот. В. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 203. На это обстоятельство обращает внимание и Л. Флейшман: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 244.

некорректно обоснованных, на наш взгляд¹³. М.Л. Гаспаров отношение Мандельштама к Сталину периода ссылки уподобляет отношению Овидия к Августу периода изгнания, что использует Г. Морев (с. 64—65). Такая интерпретация, однако, противоречит реальным данным: в частности, в конце жизненного пути поэт дал такую оценку советскому режиму: «Словно ходят по лугу, по лугу / Косари умалишенные...» («На откосы, Волга, хлынь...», 1937). Но эти стихи в книге М.Л. Гаспарова игнорируются.

В целом рассмотренная работа Г.А. Морева по объему привлекаемого материала, по глубине анализа обстоятельств ареста и следствия над поэтом является существенным вкладом в его биографию.

---

13 Критический анализ концепции этой работы см. в нашей статье: *Мец А.* Взгляд на «Стихи о неизвестном солдате» и «Стихи о Сталине» Осипа Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. 2019. № 70. (http://sites.utoronto.ca/tsq/70/Metz_70.pdf).